

ГЛАВА 2. ДРУЗЬЯ

Встретились они только через много лет, будучи уже взрослыми людьми.

Витас выучился на математика, но он всегда больше тяготел не к учению, а к действию, и теория интересовала его исключительно в прикладных аспектах. К двадцати

одному году Витас решил, что знаний ему достаточно и пора переходить к делу. Делать он решил деньги. За шесть лет работы на бирже Витас приобрел репутацию любимца фортуны и чуть ли не гения.

Обычно брокерам везёт по-крупному не часто. И если уж кому-то сильно повезло, надо прекращать игру, поскольку удача — дама непостоянная. Так считают умные люди и правильно считают. За везением неизбежно следует полоса неудач. В этой полосе случаются порой незначительные выигрыши, которые обнадеживают, а на самом деле подсаживают на крючок, и человек уже не может остановиться. Мысль, как однажды крупно повезло, влечёт другую: что везение выпадет вновь. Но не тут-то было. Всё приобретённое в звёздный час спускается зараз или раз за разом. Счастье, если игрок вовремя остановится и займётся чем-то менее азартным. Но для этого надо признать, что ты потратил уйму времени и нервов (игра на бирже вообще не способствует расслаблению) и всё впустую! Друзьями не обзавёлся — на бирже друзей не бывает, только временные альянсы, а так каждый за себя. Здоровье расшатано. Гипертония, язва и прочие болезни «от нервов». Главное, денег нет. Самое обидное, что даже не успел попользоваться деньгами, пока те ещё были в наличии, не потратил их в своё удовольствие. Не каждый отважится на такое признание, и всё же стоит попытаться это сделать своевременно, пока не увяз в таких минусах, из которых уже не выплыть.

Витас немало поспособствовал росту числа подобных бедолаг. Точнее не он сам, а регулярность его фантастических успехов. Каждый год, проведённый им на бирже, Витас начинал с крупного выигрыша. И, хотя к

концу года спускал весь нажитый капитал, в начале следующего вновь взмывал в гордом, недостижимом полёте. Он служил завораживающим примером для других брокеров. Если бы они знали истинную причину его везения, то десять раз подумали бы, стоит ли им равняться на такого любимчика фортуны. Да и её ли это любимчик...

Сам Витас прекрасно отдавал себе отчет, что дело не в простой удачливости и уж тем паче не в его «гениальности». Да, он обладал определённой сноровкой и интуицией, что позволяло ему расставаться с деньгами не в одночасье, а постепенно. Но каждым своим крупным выигрышем Витас был обязан не фортуне и не собственным талантам, а стрелам из сокровищницы забытых богов.

Когда вечером после памятного приключения Витас открыл добытый в сокровищнице ранец, то обнаружил в нём пятьдесят стрел, выкованных с изумительным мастерством из какого-то позолоченного металла. Что делать с этим приобретением Витас не знал и потому припрятал ранец до поры. Той же ночью ему, как и Лилии, привиделся сон. Яркий и цветной, похожий на фрагмент исторического фильма.

Закатное небо нависает над каменистой пустыней. Синие контуры гор вдалеке. Чёрный силуэт человека. Вот человек поднимает лук, натягивает тетиву и выпускает стрелу в направлении заката. Поворачивается на девяносто градусов по часовой стрелке и снова стреляет. Ещё один поворот, и третья стрела летит на восток. Лучник достаёт следующую стрелу и направляет её в сторону юга. Пятую он пускает прямо в небо, и когда стрела пронзает

пламенеющие багряными сполохами тучи, небо отвечает громовым раскатом.

Проснувшись, Витас пришёл к мысли, что если у него есть стрелы, то должен появиться и лук. Благодаря этой идее, Витас к окончанию школы стал кандидатом в мастера спорта по стрельбе из лука.

Когда Витас пришёл на биржу и немножко там пообтёрся, то обнаружил, что брокеры — народ на редкость суеверный и склонный к шаманизму. Будучи современными образованными людьми, брокеры уподоблялись диким первобытным охотникам, когда дело касалось приручения госпожи удачи. Постепенно Витас впитал это своеобразное мировосприятие, в котором интеллектуальный анализ рыночной динамики и точнейшие математические расчёты подкреплялись камланием и странными магическими пассами.

Тут-то из глубин его подсознания снова всплыл забытый сон о человеке, выпускающем четыре стрелы во все стороны света и пятую в небо. Вспомнил Витас и о ранце с золочёными стрелами. И созрел у него необычный замысел, исполнение которого он отложил до самого подходящего, с его точки зрения, дня. Вернее, полночи.

В тот момент, когда всё население страны под торжественный бой курантов стреляло в потолок пробками из-под шампанского и пенилось пожеланиями счастья, Витас выпустил первую стрелу из сокровищницы забытых богов.

Он стоял в чистом поле по колено в снегу на том самом месте, где когда-то пульсировало живыми красками основание радуги. Витас изрядно продрог, но рука его

была тверда, сердце билось громко и взволнованно, во взоре горела надежда.

Первая стрела полетела на запад. «Где-то там обитает Лилия», — мелькнула мысль и тут же унеслась прочь вслед за пущенной стрелой. Ненужным мыслям не было места в его сознании, полностью сосредоточенном на ритуале. И вот вторая стрела выпущена на север, третья на восток, четвертая — на юг. Пятая рванулась к звездам, в морозное небо, ещё не успевшее народить молодую луну.

— На удачу, — приговаривал Витас после каждого выстрела.

И удача не заставила себя ждать! Она улыбнулась Витасу в первый же послепраздничный рабочий день на бирже, улыбнулась широко и благосклонно, на зависть всем.

Каждый Новый год Витас встречал в чистом поле, проделывая один и тот же ритуал, ставший для него священнодействием. Всякий раз он приговаривал: «На удачу», — и вскоре совершенно фантастические деньги плыли к нему в руки. Однако к концу года его деньги со столь же неизбежной закономерностью уплывали в неизвестном направлении.

Вообще год Витас делил на две половины: светлую и тёмную. Светлая, начинавшаяся сразу после совершения ритуала, сопровождалась не только успешными акциями на бирже, но и общим подъёмом его душевных и физических сил. В светлую половину года Витас обзаводился новыми подругами, отдавая предпочтение женщинам замужним, чьи посягательства на его свободу ограничивались узами их собственного брака. Связи Витаса никогда не были долговременными.

После первой же удачи на бирже, Витас приобрел серебристый мерседес, пусть не новый, но вполне импозантный на вид. Возвращаясь вечером с работы, он выбирал из числа «голосующих» наиболее привлекательных представительниц прекрасного пола и подбрасывал их, куда те просили. Дорожную беседу Витас строил так, что к концу пути дама оказывалась очарована молодым человеком. Способствовала тому и его красивая внешность, и открытие им простой истины, что женщины интересуются самими собой гораздо сильнее, нежели чем-нибудь ещё. Поэтому всю дорогу Витас беседовал со своей пассажиркой исключительно о ней. Например, он замечал:

— Вы, должно быть, сами водите машину. Знаете, как бы уничижительно ни отзывались мужчины о женщинах-водителях, лично я нахожу женский стиль вождения самым интеллигентным и безопасным. Я убеждён, что вы — отличный водитель или станете им в самое непродолжительное время. Для этого достаточно просто мимолетного взгляда на ваше лицо. Я немного знаком с физиогномикой и по сочетанию ваших черт, которое у вас очень необычное, могу высказать ряд предположений о вашем характере.

Заинтригованная дама, естественно, спрашивала, что же такого интересного он в ней углядел.

— Во-первых, пропорции между верхней, средней и нижней частью лица указывают, что вы обладаете независимостью и если чего-то захотите, то непременно получите своё, — сообщал Витас, поворачиваясь к пассажирке, когда останавливался на красном сигнале светофора. — Во-вторых, линия губ позволяет предположить, что вы импульсивны, спонтанны,

раскованы. Излёт бровей свидетельствует, что вы точно схватываете окружающую обстановку и легко прогнозируете развитие событий. Это качество, совершенно необходимое для водителя. Держу пари, что в вашей семье ведущим партнёром являетесь именно вы, а не ваш супруг.

С помощью этой нехитрой уловки Витас выяснял, состоит ли дама в браке, а затем просил её назвать своё имя.

— Вот видите, Виктория! — торжествующе восклицал молодой человек. — Имя подтверждает то, что мне уже сказала ваше лицо. Вы — победительница! Перед вами распахиваются врата социального успеха и рушатся твердыни крепостей, которыми мужчины окружают свои сердца.

Доставив женщину в желаемое место, Витас никогда и не брал с неё денег.

— Ну что вы, Виктория, — отводил он ручку с купюрой. — Неужели я похож на человека, нуждающегося в деньгах? Вы меня обижаете! Ваше общество доставило мне удовольствие, а если непременно хотите меня отблагодарить, позвоните, когда у вас выдастся свободная минутка. Я знаю приятное местечко в центре с прекрасной кухней и полным отсутствием живой музыки. Можно спокойно посидеть и поговорить. Если интересно, то могу научить вас читать характер человека по его лицу. — Витас протягивал женщине визитную карточку. — Удачи вам, Виктория! Жду вашего звонка!

Как правило, по прошествии нескольких дней женщины ему звонили. Каждое новое знакомство Витас развивал неспешно, смакуя процесс своеобразной охоты, в коей приурочение желанной добычи увлекало его гораздо

более, нежели кульминационный момент близости, после которого Витас обычно утрачивал к даме интерес.

Разрыв отношений всегда приходился на тёмную половину года, когда лучезарный вопрос «как» в его сознании сменялся своими мрачными собратями «зачем», «для чего» и «что из этого последует». На эти вопросы молодой человек не находил ответов и, обращаясь к алкоголю, стремился отделаться и от вопросов, и от подруг.

Вторая половина года сопровождалась крупными неудачами в биржевой игре, пожиравшими все приобретения светлого периода. Год за годом циклы повторялись.

Начало шестого года пребывания Витаса на бирже было отмечено сильными морозами и гриппозной волной. На следующий день после совершения ритуала в чистом поле, Витас свалился в тяжелейшей горячке. Неделю он провёл в полубессознательном состоянии, ещё неделю пытался справиться со страшной слабостью, охватившей его, когда кризис миновал. Заставлял себя вставать, преодолевая головокружение, что-то готовить и проглатывать, хотя вид и запах еды вызывал тошноту. Попробовал делать простенькие физические упражнения, но тело ответило на насилие таким приступом дурноты, что мысли о гимнастике пришлось отставить. К концу второй недели Витас, хотя и был ещё слаб, счёл себя достаточно восстановившимся, чтобы появиться на бирже. Он знал, что его ждут деньги, и шёл, почти полз, на их зов.

Встреча с деньгами, как всегда, была упоительно-сладостной, наполненной радостным трепетом. Так заключают друг друга в объятия любовники после долгой разлуки. Но на сей раз Витас не пошёл на поводу у

эйфории и краткого ощущения своего всемогущества. Все-таки не зря он считал себя реалистом. Он им и был, точнее, вновь им стал, когда на смену горячечному гриппозному мареву пришло очень ясное, чистое и пугающее осознание: тридцать! Он истратил тридцать стрел из пятидесяти, и что имеет? Пять лет в канун Нового года Витас подводил свои балансы. Они равнялись нулю! У него остаются ещё четыре года, не считая этого, всего четыре попытки! Что дальше, даже думать не хотелось. И Витас принял решение покончить с биржевой майей раз и навсегда. Нужно вложить плоды новогоднего ритуала во что-то реальное и конкретное, в своё собственное. Только вот во что?

С этими мыслями Витас поскользнулся на неочищенных ступеньках здания биржи, по-журавлиному взмахнул руками и почти сшиб с ног светловолосого парня, случайно оказавшегося рядом. Тот, дабы в свою очередь удержать равновесие, вцепился в Витасову куртку, и они кубарем покатались бы со ступенек, если бы не мрачного вида бугай, сопровождавший молодого человека. Он вовремя подхватил обоих за шивороты и поставил на ноги. Витас сбивчиво приносил извинения, а парень, едва не ставший жертвой его неловкости, внезапно расплылся в улыбке и воскликнул:

— Старик, неужели ты?! Вот так встреча!

Секунда — и друзья детства снова стискивают друг друга в объятиях, теперь уже вполне произвольных. Здоровенный детина, не давший им рухнуть, деликатно отступил в сторонку, предоставив друзьям возможность выразить возбужденными возгласами волну первого изумления. Когда та пошла на убыль, Тим представил Витасу спутника как Драковича, своего... э... протеже.

Смущённо краснея, Дракович пожал Витасу руку. При этом он ни на секунду не спускал с Тима полных обожания глаз.

«Интересно, — усмехнулся про себя Витас, — Дракович — это отчество или фамилия на югославский манер. И уж не заделался ли старина Тим геем?»

Витас ошибался. «Дракович» было не отчество, не фамилия и не ссылка на именитого предка. А Тиму Дракович приходился в некотором смысле сыном.

Тим с детства виртуозно владел словом, и поэтому журналистика стала его естественным выбором. Ещё в студенческую бытность Тим начал активно сотрудничать с различными изданиями, и те охотно публиковали его материалы, то искрящиеся добродушным юмором, то обжигающие едким сарказмом. Будучи человеком живым, подвижным, контактным, Тим вскоре обзавёлся огромным количеством полезных знакомств в самых разных областях жизни — от центрального телевидения до службы безопасности и от простых людей в глухой глубинке до уважаемых научных кругов за рубежом. Тому немало способствовали его профессия, обширные знания, разносторонние интересы и прекрасная память на имена и лица. Знакомства помогли ему устроиться на телевидение, где он проработал некоторое время, ведя репортажи из «горячих точек» и мест природных катаклизмов. Ему нравился привкус опасности и экстрима — в такие моменты он ощущал себя бойцом. Однако, в отличие от своих коллег, Тим не научился воспринимать человеческие страдания отстранённо, цинично относиться к ним как к простому «информационному поводу».

Мучительные картины людского горя терзали его как мстительные эринии, он терял сон и аппетит и, в конце концов, оставил эту работу.

Тим начал вынашивать идею собственного журнального проекта и вёл активные переговоры с потенциальными спонсорами.

— Что предлагает на сегодняшний день журнальный рынок людям, нашедшим своё место под солнцем? — вопрошал он и сам же отвечал: — Глянцевые журналы, состоящие из рекламы и концептуально не построенной эклектики. Конечно, есть очень качественные издания, но все они специализированные. Давайте посмотрим, в чём потребность нашей целевой аудитории, её действительные запросы. Не ошибусь, если предположу, что это поиск интересного и содержательного стиля жизни. Проект, который я предлагаю, полностью соответствует такому запросу. Концепция проекта — стиль жизни во всей широте этого понятия. Не только внешняя атрибутика — что носить, какую марку машины купить или каким кремом себя намазать — но и внутренние потребности людей. К ним относятся познание, творчество, физическое и душевное здоровье, энергия окружающего пространства. Редакторский портфель у меня готов, а также бюджет, штатное расписание и план распространения.

Тим нашёл-таки спонсора, убедил и сделался главным редактором. Однако его журнал просуществовал всего полгода. А затем спонсор потребовал от юного издания быстрой прибыли, назначил вместо Тима на должность главного редактора человека, способного «делать деньги», и тот так извратил изначальный замысел,

что Тим утратил к своему выхолощенному детищу всякий интерес.

Следующим проектом стал информационный портал на ту же тему, но и это начинание постигла схожая судьба. Телевизионный проект, на который Тим возлагал большие надежды, не выгорел в самый последний момент из-за каких-то политических разборок внутри руководства телеканала. Были и проекты помельче, вроде международной конференции по входившему в моду фэш-шю. Тим проделал огромную работу по подготовке мероприятия, но как только процесс был налажен, и он позволил себе чуть расслабиться, люди, которым он передоверил оргфункции, выдавили его из дела.

Удивительно однообразные развязки, которыми заканчивались его начинания, волей-неволей заставляли задуматься. Нет, Тим не бедствовал, его журналистский талант обеспечивал гонорары, достаточные, чтобы поддерживать вполне приемлемый уровень жизни. Однако болезненно остро чувствовал зависимость от чужой воли. Не только в денежном плане, но и в постоянном диктате, о чём и как ему писать. Разносторонние интересы и устремления его кипучей натуры словно натыкались на невидимый барьер. Нужны были свои собственные, не зависящие ни от кого средства.

Тим был искренне убеждён, что достаточно «раскошегарить» проект: родить красивую идею, найти спонсоров, привлечь к исполнению профессионалов — и можно спокойно получать законные дивиденды, будучи уверенным, что поезд твоего замысла мчится по проложенным тобой рельсам. Но всякий раз почему-то происходила осечка, словно кто-то переводил стрелки, и

всё летело под откос. Корень своих проблем Тим усматривал в том, что переоценивал людей, с которыми имел дело.

— Если бы у меня были надёжные люди, — грустно думал молодой человек, — на которых можно было бы положиться...

В один из таких депрессивных вечеров, занимаясь разборкой вещей в квартире, он случайно наткнулся на потёртую кожаную сумку, в которой что-то перестукивало. Вывалив содержимое сумки, Тим обнаружил сорок девять костяных фигурок, напоминающих клыки.

Да это же трофей из сокровищницы забытых богов! Пока он крутил в пальцах и внимательно рассматривал костяные фигурки, внутри зарождалось и крепло предчувствие, что этот «дар» может сослужить ему добрую службу. Но как использовать кости? В отличие от Лилии и Витаса, никаких снов-подсказок Тим не видел. Молодой человек напряг память — безрезультатно! Ничего путного на ум не приходило.

Расставив клыки на журнальном столике, Тим попробовал о них забыть. К этому способу находить выход из проблемы он прибегал много раз, и способ неизменно работал. Суть заключалась в том, чтобы не циклиться, превратиться в незаинтересованное лицо, и ждать, когда решение придет само собой. Однако чем больше Тим старался, тем менее был способен забыть о костяных фигурках.

Тогда он решил испробовать метод наоборот: сконцентрироваться только на костях и больше ни о чём не думать. Тим принялся собирать информацию, связанную с палеонтологией, являвшейся, по его мнению,

именно «наукой о костях». Информации набралось не много, но кое-какие ссылки и контакты он изыскал. По найденным адресам Тим разослал детальное описание своих находок, сообщил, что кости похожи на зубы гигантского ящера, и обратился с вопросом, не знает ли кто, к какому ископаемому виду они могут относиться. Из дюжины адресатов откликнулся один, зарубежный профессор Норфолк, директор частного музея. В результате переписки с доктором Норфолком у Тима родилась идея собрать коллекцию костей редких рептилий, и он загорелся этой мыслью до такой степени, что действительно почти забыл о своих загадочных экспонатах, аккуратно выставленных на журнальном столике.

Забыл именно настолько, чтобы сработал безотказный способ номер один. Когда взгляд Тима случайно упал на трофей из сокровищницы забытых богов, в памяти нежданно-негаданно всплыла цитата из давным-давно прочитанной книги. «И посеял Кадм зубы убитого дракона по велению Афины. И когда исполнил он волю богини, в тот же миг выросли из земли вооружённые воины. Кадм бросил камень в их ряды, и воины завязали между собой отчаянную битву, потому что каждый обвинял другого в брошенном камне. Они бились столь жестоко, что, в конце концов, в живых их осталось лишь пятеро. Они поклялись верно служить Кадму. Звали их...»

Имён уцелевших воинов Тим так и не вспомнил, да в том и не было нужды. Главное, он нашёл решение загадки добытых в сокровищнице костей и одновременно решение своей проблемы — как окружить себя «своими» людьми, которым можно доверять. Разумеется, возникало множество вопросов, но получить ответ можно было лишь

из непосредственного опыта. Не у агрономов же спрашивать, как сеять людей из костей!

Тим счёл, что самым подходящим временем для его «посевной» будет первое мая. При этом он решил не повторять ошибку Кадма и не бросать в землю все зубы зараз, а ограничиться одним и посмотреть, что из этого выйдет.

В канун бывшего праздника труда, который в древние времена считался днём почитания духов предков, Тим отправился на то же поле, где уже несколько лет вершил новогодний ритуал Витас. Вооружённый лопатой и бутылкой с водой, новоявленный аграрий шагал по полю, озираясь по сторонам. Ему совсем не хотелось, чтобы случайные свидетели застукали его за экспериментом. Но обложенное тучами небо потемнело до черноты, вот-вот должна была начаться гроза, и на поле не было ни души.

Добравшись до места, откуда они детьми вошли в радугу, Тим спешно выкопал ямку, воткнул в неё зуб дракона и присыпал землёй. Едва закончил, как в опасной близости пронёсся огненный перун, затем громыхнуло так, что молодой человек выронил бутылку с водой. Впрочем, поливать костяное семя явно не требовалось, и Тим стал просто ждать. На лоб упала крупная капля. Следующий росчерк молнии высветил окрестность в радиусе десяти метров. За ним последовал громовой удар такой силы, что Тим слегка присел. Капли застучали часто-часто, а потом с неба обрушилась сплошная лавина воды. В одно мгновение парень вымок до нитки и уже подумывал, не пора ли заканчивать эксперимент и уносить с поля ноги, как снова сверкнула молния. В её мгновенной вспышке Тим увидел прямо перед собой огромного голого детину.

Узрел его и обнажённый субъект, бухнулся оземь и завопил во всю глотку, сиюсь переорать гром:

— Батько! Не бросай, батько! Буду служить тебе до конца дней моих!

От буйства грозы, навязываемого отцовства, дикого вида самозванного чадо и проявления столь бурной сыновней почтительности, Тим растерялся. Но где-то внутри разливалось ликование: я сделал это! Эксперимент удался!

Тим окрестил новоявленного «сынка» Драковичем и забрал к себе. Целый год молодой человек провёл в затворничестве, посвящая почти всё время воспитанию и окультуриванию Драковича, а параллельно — процессу его натурализации. Пришлось пустить в ход все связи, выдавая «сынка» за близкого родственника с Украины. Дракович, к слову, оказался на редкость способным малым, всё схватывал на лету. Единственное, что огорчало и беспокоило Тима — это его склонность к насилию. Но, если отдать должное справедливости, можно ли другого ждать от человека, посеянного из зуба дракона? Но за Тима Дракович был готов в огонь и в воду! Ни у кого в мире не нашлось бы более преданного слуги и телохранителя, каким стал Дракович для своего «батьки».

Тим и Витас решили отпраздновать встречу в ресторане «Пиросмани». Выпито было уже немало «Киндзмараули» и «Саперави». Дракович скромно отмалчивался, глушил себе «Боржоми» (его костяная природа не приемлела алкоголя) и кушал за троих. «Батько» же со товарищем так увлеклись беседой, что напрочь забыли о еде.

— При наличии некоторого воображения и денег, сделать их ещё больше — не проблема, — втолковывал Тим захмелевшему после болезни Витасу. — Ты хочешь вкладывать в своё дело, и ты прав! Я считаю, что компания должна реализовывать интересные проекты и иметь максимум простора для развития. А простор будет, если поле деятельности связано с базовыми потребностями человека. Например, одна из них — безопасность. Смысловое пространство, в котором можно удовлетворять эту потребность, безгранично как океан. Страхование? Правильно! Сделки с недвижимостью? Подходит! Медицинские услуги? Йес! Банковские услуги? Определённо! Юридическая информация? Верно! Защита информации? Конечно! Этот перечень продолжать можно до бесконечности. Начать с чего угодно, а дальше расширяться и расширяться. Важно выбрать для фирмы правильное название, ассоциативно связанное с надёжностью в любой зоне смыслов. Скажем, «Гарантия»... Однако ты, старик, привык действовать в одиночку, а так по нашим временам мало чего можно достичь. Запуская компанию или проект, принципиально важно иметь в непосредственном окружении надёжных людей, на которых можно опереться.

Тим неопределённо кивнул на Драковича, который как раз в этот момент от переедания громко икнул. Но ни «батько», ни его приятель не обратили ни малейшего внимания на этот конфуз.

— Секрет успеха, — подытожил Тим, — в сочетании трёх вещей. Денег для раскрутки, перспективной идеи и надёжной команды. У тебя есть первое, я обеспечу остальное. Ну что, старик, стартуем?

Через месяц «Гарантия» была зарегистрирована. Тим генерил идеи, подбирал персонал и работал с клиентами. Дракович учился исполнять управленческие функции. Витас просчитывал, как они будут воплощать идеи Тима, и занимался финансовым менеджментом.

В канун очередного Нового года Витас подвёл баланс и с изумлением обнаружил, что его доходы выросли почти вдвое. Впервые за его сознательную жизнь!

За десять лет существования «Гарантия», в полном соответствии со стратегическим замыслом Тима, разрослась как осьминог. Во главе холдинга стоял Дракович Старший. Щупальца-ответвления возглавляли последующие сеянцы из зубов дракона, которых Тим производил по потребностям «Гарантии». Дракович Старший «натаскивал» молодых; драк между собой Тимовы отпрыски не затевали и все, как один, были до гроба преданы Тиму. Правда, «батькой» его называл лишь Дракович Старший, прочие же лаконично именовали «шеф».

Тим наконец-то воплотил в жизнь давнюю мечту не тратить время на контроль и управление и в то же время получать достаточно средств со своих проектов. А денег ему, между прочим, требовалось немало. Тим всерьёз увлёкся идеей частной коллекции и много времени проводил в экспедициях по всему миру, собирая останки редких рептилий, за что в своём кругу получил прозвище «костяной мальчик».

Однажды ему пришла в голову мысль попробовать засеять поле не зубами дракона, а зубами рептилий,

добытыми в экспедициях. Увы! Ни первый эксперимент, ни последующие попытки не дали ровно ничего. Тим был вынужден признать, что полноценные, дееспособные Драковичи могут появляться только из зубов, взятых в сокровищнице забытых богов. Любые иные кости для воспроизводства людей были совершенно не пригодны.

Витас эти десять лет тоже посвятил активному сеянию. Но сеял он не зубы дракона, а то, что положено естеством. Презрев былую осторожность и напрочь избавившись от страхов перед тёмной половиной года, он обзавёлся с полдюжины потомков, коих ни разу не видел в глаза. И хотя в своём отцовстве Витас был не особо убеждён, но до сбора доказательств сего факта не опускался и в денежной помощи счастливым матерям никогда не отказывал. Лишь когда какая-нибудь из барышень начинала проявлять особую алчность и стремление поживиться за его счёт, обращался за помощью к Драковичу Старшему. С Тимовым «первенцем» Витас очень сошёлся, и Дракович Старший неоднократно выручал «батькиного» друга, урегулируя его амурные конфликты. Новогодний ритуал «на удачу» Витас за эти десять лет не совершал ни разу. В том просто не было необходимости. В общем, жили друзья каждый в своё удовольствие, и счастье их до поры до времени ничем не омрачалось.

Десятилетний юбилей «Гарантии» друзья решили справить в том же «Пиросмани». Среди участников торжества присутствовали полторы дюжины Драковичей, стратегически важные партнёры и клиенты «Гарантии» общим числом не менее шестидесяти. «Гарантия» легко

могла потянуть и большее количество гостей, ограничение накладывалось вместительными возможностями «Пиросмани». Тим и Витас считали этот ресторанчик своим знаковым местом и переносить празднование в более пафосное заведение наотрез отказались.

Дракович Старший стоял с поднятым бокалом, намереваясь произнести тост за учредителей «Гарантии», когда оба отца-основателя вдруг ощутили странные вибрации в области сердечной чакры. Это был сигнал, по которому они узнавали о приближении друг друга. Очень старый сигнал, известный им обоим с детства, но по обоюдному согласию никогда не обсуждавшийся.

По проходу вдоль зала шёл немолодой полный мужчина, ведя под руку стройную даму. Она была похожа на экзотическую птицу в своём странном одеянии. Длинное, до полу, платье из фиолетового шелка, казалось, томно вздыхало при каждом её шаге. На узкой талии — переливчатый пояс. Рассыпанные по плечам иссиня-чёрные волосы имели фиолетовый оттенок и даже явственные фиолетовые пряди. Они бы выглядели неуместными и искусственными в причёске любой другой женщины, но только не этой. Она точно родилась с фиолетовыми волосами, так гармонировал этот цвет со всем остальным в её облике. Мужчина показался друзьям смутно знакомым, дама — нет.

На секунду женщина вздрогнула и обвела взглядом зал. Её глаза наткнулись на Драковича Старшего и пятнадцать его собратьев, искра заинтересованности в лице угасла. Тима и Витаса за мощными торсами Драковичей она не заметила. Женщина со спутником свернули в боковой проход и скрылись из виду.

Когда Дракович Старший закончил витиеватую речь, и все чокнулись и выпили; когда учредители произнесли ответные речи, и все снова чокнулись и выпили, Тим тихонько увлёк Драковича Старшего в боковой зал. Витас, оставшийся в одиночестве, был вынужден отдуваться перед гостями и за своего партнёра и за генерального директора холдинга.

Тем временем Тим, краем глаза наблюдая за интересующей его парой, ставил перед Драковичем Старшим задачу. Подошёл официант и любезно осведомился, не желают ли они чего-нибудь. Дракович Старший (неустанными трудами Тима преодолевший природную склонность к грубости и агрессии) вложил в его потную ладонь столярник и ласково сообщил, что единственное их желание — быть оставленными в покое. Официант понятливо кивнул и сделал вид, что Тим и Дракович являются пришельцами из астрала.

«Ну разве не душка! — нежно думал Тим, любясь своим «первенцем», — все-таки не зря я убил на его воспитание столько лет!» Получив от «батьки» указание увести пожилого джентльмена куда-нибудь на время, Дракович Старший произвёл соответствующую настройку и приступил к исполнению.

— Прошу прощения за моё вторжение, — сладчайшим голосом произнес он, подходя к столику, где сидела пара. — Дело в том, что сегодня фирма «Гарантия» празднует свой десятилетний юбилей. У меня исключительная память на лица, особенно такие запоминающиеся, как ваше, — полный достоинства поклон седовласому господину. — Когда я вас увидел, то сразу подумал: вот один из уважаемых клиентов, коим

наша фирма обязана своим процветанием. И если ваша прелестная спутница позволит вам оставить её на одну минуту — буквально на одну минутку! — я почту за честь представить вам учредителей «Гарантии», которые будут счастливы лично пожать вашу руку.

С этими словами Дракович Старший елеино поклонился даме. Та улыбнулась и легко согласилась отпустить своего кавалера. Растерявшийся обладатель «запоминающегося лица» попытался вежливо отклонить любезное предложение Драковича, но был подхвачен под руку его железной десницей и почти силком доставлен к застолью «Гарантии». Где тут же превратился в повод для очередного многословного тоста.

Тим встал, по-кошачьи бесшумно приблизился со спины к женщине в фиолетовом и мягко прикрыл ладонями ей веки. Та вздрогнула и застыла.

— Скажите, прекрасная незнакомка, — прошелестел Тим ей прямо в ушко, от которого исходил слабый аромат духов, — вас никогда не называли именем «Или»? Вы очень похожи на одну мою подругу детства, носившую когда-то это прозвище. Хотя вы, конечно, никак не можете быть той старушкой, ибо она сейчас должна в холе и неге проживать за океаном.

Женщина резко развела его ладони и обернулась. Вспыхнули, точно засветились изнутри серые глаза, лицо просияло той самой улыбкой, что приводила их с Витасом в нокаут больше двадцати лет назад. И сила этой улыбки с возрастом ничуть не уменьшилась!

— Тим! Не может быть! — воскликнула женщина и вскочила.

Теперь, заметьте, она смотрела на него снизу вверх, а не сверху вниз как прежде. И от этого взгляда пол под ногами Тима слегка поплыл. Знакомым с детства жестом она притянула его лицо к себе и поцеловала. На сей раз не в переносицу, а в губы. Зал завращался сильнее, и Тим был вынужден заключить её стройную фигуру в объятия, чтобы не упасть. В этой двусмысленной позиции их и застал пожилой джентльмен, сбежавший из-за застолья «Гарантии», едва Дракович Старший слегка ослабил свою хватку.

— Дорогая, — нервно пролепетал он, — что всё это значит?

Тим с сожалением разжал руки, но женщина в фиолетовом, казалось, не спешила его отпускать.

— Это значит, — промурлыкала она, — что я встретила старого друга. Это значит, что я так счастлива, как не была уже двадцать лет! О! Это значит слишком много для меня!

Вдруг женщина отстранилась от Тима и обернулась. Но смотрела она отнюдь не на своего растерянного спутника, а на красивого темноволосого мужчину, чья фигура высилась за ним.

— Витас! — всплеснула она руками. — И ты здесь! Мальчики, неужели мы опять вместе?!

Ах, как чудесно после стольких лет было снова собраться втроем! На жадные расспросы друзей Лилия отвечала немногословно.

— В Штатах я провела четыре года. Это время посвятила изучению языков. Английский, испанский, немного китайский. Когда мне исполнилось восемнадцать,

вернулась на родину. Родители, готовившиеся в ту пору к разводу, моему решению не препятствовали. Они открыли счёт на моё имя и отпустили восвояси. От бабушки мне оставалась квартирка, где я жила в студенческие годы. Потом я много путешествовала.

Обожаю путешествовать, с головой погружаться в чужую культуру! Это как прыжок в море. Вот ты стоишь на земле, чувствуешь почву, основу, а уже через мгновение отрываешься, летишь, соединяешься с духами воздуха и затем плавноходишь в воду, проникаешь в неё всё глубже, сливаешься с новой средой и растворяешься в ней.

Мне нравится примерять на себя чужое мировосприятие и носить яркие, колоритные национальные костюмы. Я люблю бродить по развалинам древних храмов и представлять, как они выглядели в те времена, когда жизнь ключом била в их стенах. Нравится представлять, что чувствовали люди, приходившие к алтарям со своими молитвами и дарами. Мне интересно ощущать, как энергия природы — то мягкая, то буйная, то скупая и сдержанная — лепила человеческую культуру по своему образу и подобию.

Я очень люблю Средиземноморье и Японию. Много ездила по Индии, Китаю, бывала в Перу, Эквадоре. Ну, и в некоторых других местах.

Лилия не упомянула, что детальные маршруты своих путешествий она составляла сама, стандартные туры её не устраивали. Ей всегда было странно наблюдать за метаморфозой, происходящей с людьми, когда они превращаются в туристов. Туристы — это племя, стоящее на самой примитивной ступеньке развития, когда индивидуальность ещё не вычленилась из общности.

Становясь туристом, человек на время словно изымает из своей личности изрядную толику неповторимости, интеллекта, колоритности и сдает их в камеру хранения. А затем сливается с пёстрой суетливой толпой, желания которой просты как репейника кусты. Туалет, завтрак-обед-ужин, таблетка от рези в животе, кондиционер, фото на фоне достопримечательности. Что удивительного, что чудесного может произойти в такой толпе? Да ничего! Комичное может, отвратительное может. Чудесное — никогда. Лилию же манило чудесное, поэтому она предпочитала неспешные путешествия в одиночку, а знание языков существенно облегчало ей жизнь в странствиях.

Умолчала Лилия и о том, что, блестяще окончив университет, не проработала ни единого дня. Зачем? Всегда находились мужчины, готовые оплачивать все её расходы просто за одно удовольствие быть рядом с нею. Они слетались на лёгкий поясок из крыльев бабочек, слетались как пчелы на раскрывшийся бутон, дурмящий запахом нектара, слетались как мотыльки на огонь, ослепительный, но обжигающий крылья.

Она возвращалась к ним из странствий, пропитанная ароматом нездешних ветров, с кожей, позолоченной прикосновениями нездешнего солнца, с полными юмора рассказами о приключениях, которые случались в пути. Притягательная, завораживающая и... ускользающая. Казалось бы, вот она, здесь! Делай что хочешь — всё твоё! Ведь она для того и рядом, чтобы вершить любовь. Но никто, однако, не сумел привязать её к себе. Многие пытались заключить её в золотую клетку, ни одному это не удалось. Разве удержишь ветер? Разве

ухватишь солнечный блик на воде? Лилия просто вершила любовь, но не связывала себя никакими обязательствами.

Жалобы, угрозы и проклятия покинутых мужчин, казалось, вовсе до неё не доходили. Точно были «слепой зоной» в её восприятии мира, открытом и чутком ко всему остальному.

— Ты чудовище! Бесчувственное и неблагодарное!
— кричал ей вслед очередной возлюбленный

— Ты Горгона, превращающая всё лучшее во мне в камень! — вторил ему другой голос.

— Я та, кого ты хочешь во мне видеть, — спокойно отвечала она, поправляла на талии свой неизменный поясик и упархивала в ночь, чтобы более не вернуться.

Ни о чём таком Лилия не рассказывала старым друзьям. Да и к чему им знать всё это?! Лилия просто радовалась их присутствию и действительно была счастлива.

Встреча с друзьями всколыхнула в ней давно забытые чувства и воспоминания. Милый домик детства, скрытый в зарослях сирени и жасмина; ласковое ворчание бабушки; те времена, когда можно было путешествовать, никуда не уезжая, когда дни казались длинными-длинными и приключения подмигивали из каждой щёлки, таились за каждым деревцем, звали, манили, приглашали делать открытия...

С удивлением Лилия отметила про себя, что Тим и Витас, пожалуй, единственные люди на белом свете, к которым она испытывает не просто любопытство, а нечто большее. Они были дороги ей, эти мальчики, по-настоящему дороги! И, слушая друзей вполуха, она

наслаждалась чувством тепла, переполнявшим всё её существо.

— Ты непременно должна увидеть мою коллекцию! Я тебя приглашаю, Или, и обещаю увлекательный рассказ о странствиях и опасностях, коли ты их любишь! — Глаза Тима блестели.

— Ну что ты пристал к нашей старушке со своей коллекцией! — упрекал его Витас. — Или, не обращай на Тима внимания, он помешался на костях. Его так и прозвали «костяной мальчик». Твоя улыбка совершенно не изменилась, Или! Какое вино ты предпочитаешь?

— Или, как великая путешественница, замечала ли ты, что в каждой культуре есть свои легенды о драконах?

— Пожалуй, что так...

— Тим, да отвяжись ты от Или с драконами! Разве не о чем больше поговорить?!

— Погоди, старик, не перебивай! Могла ли человеческая фантазия в разных точках земного шара породить столь схожий образ, если бы он не имел под собой реальной основы? И если ты готова послушать, то я могу порассуждать. Есть у меня одна гипотеза, что все мы — потомки драконов. За исключением Витаса, он — типичное насекомое.

Витас бросил на приятеля свирепый взгляд, но Лилия ласково взъерошила его волосы, погладила по щеке, и он расслабился. Она положила руку на ладонь Тима:

— Продолжай, малыш, мне интересно!

— Представь, дорогая, что Вселенной управляют две госпожи. Назовем их Инволюция и Эволюция, и управляют они не бездумно, а имея ввиду некий совместный план. Госпожа Инволюция, снисходя,

наделяет материю сознанием. А госпожа Эволюция в лаборатории жизни экспериментирует с материальными формами, стремясь получить такие, которые были бы способны самостоятельно развивать дар разума. Первый эксперимент она ставит с насекомыми. Делает их достаточно крупными, чтобы они могли вместить необходимую толику сознания, предоставляет в их полное распоряжение всю планету, создает им идеальные условия и дальше смотрит, что они со своим разумом будут делать. Начали насекомые весьма бодро. Если вы, друзья, когда-нибудь наблюдали за сообществами пчёл или муравьёв, то не могли не восхититься их совершенной социальной организацией. Чтобы создать такое — в первый раз — нужно быть гением! Когда-то у пчёл и муравьёв, видимо, были свои Леонардо, Ньютоны и Эйнштейны, свои Александры, Цезари и Наполеоны!

— Ты насмотрелся фильмов про арахнидов! — хмыкнул Витас.

— Но, увы, — отмахнулся от него Тим, — у насекомых оказалась слишком большая тяга к коллективизму. И нашлись среди них свои ильичи, фюреры и мао, которые сыграли на этой черте, сказав своим великим соплеменникам: «Спасибо за ваш ценный вклад в общее дело, но больше мы в вас не нуждаемся! Ату их, ребята!» И не стало более великих среди насекомых! «Зачем нам индивидуальное сознание, ребята, — обращались к народу муравьиные фюреры и пчелиные мао. — Муравейник/улей — дело коллективное! Пусть и разум у нас будет коллективный!» И пчелиный-муравьиный народ соглашался: «В самом деле, зачем иметь собственный разум? Обойдемся и коллективным!» И тогда

разгневанная госпожа Эволюция лишила насекомых индивидуального сознания, заодно изрядно сократив отпущенный им век и размеры, чтобы не путались под ногами у тех, кто придет следом.

И вот на великой сцене появляются позвоночные. В сравнении с насекомыми — это совершенно новая ветвь развития. Мадам Эволюция со временем повторяет эксперимент и на целых пять геологических периодов отдает землю в полноправное пользование рептилиям. Рептилии, в отличие от насекомых, получились жуткими индивидуалистами. Они отличались крайне скверным характером и ни малейшей тяги к общежитию не имели. Видимо, госпожа Эволюция, огорчённая неудачей первого эксперимента, перестраховалась. О взаимопомощи и сотрудничестве речи, естественно, не шло. Речей меж ними вообще было мало, общаться рептилии не любили.

Понятно, что в одиночку выживать сложнее: сложнее защищаться от врагов, сложнее добывать пропитание. Всё время уходит исключительно на борьбу за существование, тут уж не до жиру, то бишь не до разума. В такой ситуации получает преимущества тот, кто способен охватить максимум пищевых ареалов. Начиная с триасового периода, рептилий точно залихорадило. Появляются всё новые и новые формы — фантастические плезиозавры и колоссальные ихтиозавры, двуногие динозавры и летающие птерозавры...

Друзья, мы подходим к самому интересному моменту во всём сюжете. Результатом лихорадочной деятельности, производимой госпожой Эволюцией в классе рептилий в течение триасового, юрского и мелового периода вполне мог стать вид с оптимальным

соотношением мозг/тело, который был способен легко существовать в любых условиях и находить пропитание на земле, в воздухе, в воде. И если такой вид возник, его представители могли располагать достаточным запасом свободного времени для развития разума. Даже будучи концентрированными индивидуалистами и не сотрудничая друг с другом. Мы начали с того, что нет никаких оснований считать выдумкой хранящиеся в памяти человечества воспоминания о драконах. Что известно о драконах из преданий, Или?

— Они летали, дышали огнём, жили сотни лет, селились в пещерах, были хитры, опасны и чертовски жадны до сокровищ, — улыбнулась Лилия.

— Верно, — кивнул Тим, — хотя кое-что из этого, конечно же, враньё...

— Да всё, что ты тут нам наплел, враньё! — не удержался Витас.

— Это лишь гипотеза, — заметил Тим, — позволь мне закончить. Я думаю, драконы действительно могли летать, возможно, и плавать, были сильны и агрессивны, жили дольше, чем даосы, и обладали развитым сознанием. Что же касается способности дышать огнём, то это маловероятно, но очевидно, что с огнём они научились как-то взаимодействовать задолго до человека. Нам даже трудно вообразить, на что они могли быть способны! Ведь этот вид старше нашего как минимум на двести миллионов лет. И пусть их разум развивался много медленнее, чем у людей, всё равно у них в запасе имелась, считай, вечность! Что же до страсти драконов к сокровищам, которые они, якобы, тщательно охраняли, то, на мой взгляд, это лишь

метафора. Сокровища символизируют знания, и ими драконы были не склонны делиться ни с кем.

Витасу разговор этот уже изрядно надоел, а более всего бесило то, как зачарованно внимает Лилия брехне Тима. Однако придумать, как переключить внимание Или на себя, он не мог, поэтому хмуро спросил:

— И куда девались твои разумные ящеры? —

— Очевидно, вымерли, — пожал плечами Тим. — Они пережили падение царства рептилий, с которыми эволюция обошлась так же, как ранее с насекомыми — кого-то уничтожила, кого-то уменьшила в размерах и лишила зачатков сознания. Драконы пережили расцвет млекопитающих, дотянули до появления Homo Sapience, ростков человеческой культуры и остались в памяти человечества. Потом вымерли.

— Но почему, если они развивали разум, согласно эволюционному плану? — воскликнула Лилия.

— Думаю, по мере развития разума всё больше усугублялся их индивидуализм. Знания драконы копили только для себя, им было наплевать на всех, в том числе, на собственное потомство. Рептилии вообще на редкость отвратительные родители, они не только мало заботятся о детях, но и не прочь закусить своими прямыми потомками. Касательно драконов, я не исключаю, что в какой-то момент они сумели преодолеть половой инстинкт и просто перестали размножаться.

— Мораль сей басни такова, — поспешил подвести итог Витас, — не хочешь вымирать — размножайся!

— Вот видишь, Или, — расхохотался Тим, чокаясь с Лилией, — я же говорил, что Витас — насекомое! Он

плодовит как пчеломатка и думает лишь о размножении.
Так ты заглянешь ко мне посмотреть коллекцию?